

Китайский Квантун под российской арендой (1898–1905): прецедент модернизационного колониализма?

Дмитрий Павлов

Russia's lease of Chinese Kwantung (1898–1905): a case of modernizing colonialism?

Dmitry Pavlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

15(27) марта¹ 1898 г. Россия подписала с Китаем конвенцию об аренде южной оконечности Ляодунского полуострова площадью около 3,2 тыс. кв. км и с населением примерно в 250 тыс. человек, получившей название «Квантунская область». Эта аренда явилась последней заморской (несопредельной метрополии) колонией в истории Российской империи². «16-го марта 1898 года, в 8 часов утра русский флаг, поднятый его императорским высочеством великим князем Кириллом Владимировичем, взвился на флагштоке Золотой горы в Порт-Артуре, — горделиво сообщила официозная печать. — Салют эскадры и батареи с радостной торжественностью прогремел в окрестностях. Официально край был занят»³. «Гул салюта стоящей эскадры разнёс по всему миру начало новой русской жизни на далёкой окраине и новое проявление русской мощи», — добавлял имперских красок анонимный порт-артурский офицер⁴.

Несмотря на ограниченный срок аренды (но ориентируясь на предусмотренную конвенцией возможность по обоюдному согласию её продлить), российские власти приступили к созданию на месте китайской крепости Люйшунь (Люйшунь-коу — «Гавань благополучия путешественников»), или Порт-Артура — современной военно-морской базы с мощными береговыми укреплениями. Также началось строительство практически «с нуля» европейски благоустроенного города — одновременно коммерческого порта и конечного пункта Транссибирской железнодорожной магистрали, предназначенного со временем превратиться в крупнейший центр евроазиатской торговли, возможно, в конкурента Суэцкого канала. «Через немного лет, — предрекала близкая к правительству петербургская газета, — из Лиссабона можно будет проехать по рельсам до конечной станции Сибирской железной дороги в Тихом океане. Последствия особого

© 2018 г. Д.Б. Павлов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 15-01-00011.

¹ Двойные даты даны по юлианскому и григорианскому календарям, одинарные — по юлианскому.

² Незначительными по размеру заморскими территориями Россия продолжала владеть и позднее. Так, участок в Нагасаки для берегового лазарета Тихоокеанской эскадры, полученный от японского правительства в 1886 г. на правах «вечной аренды», находился в её платном пользовании вплоть до 1908 г. (последние четыре года номинально — лазарет пустовал). Подробнее см.: Павлов Д.Б. Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам) // Япония 2010. Ежегодник ИВ РАН. М., 2010. С. 252–273.

³ Новый край (Порт-Артур). 1900. 1 января. № 1.

⁴ Прошлое Порт-Артура. Воспоминания до войны 1904 г. СПб., 1908. С. 5.

соглашения, подписанного 15-го (27-го) марта в Пекине уполномоченными России и Китая, скажутся уже в близком будущем, а позднее совершенно изменят к лучшему физиономию торговых сношений между Европой и Азией»⁵. Действительно, в том же 1898 г. началось строительство тысячекилометрового рельсового пути, который связал Квантунскую область с магистралью КВЖД; движение по всей линии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) открылось в июле 1903 г.

Так на рубеже XIX–XX вв. на Дальнем Востоке был дан старт новой для России практике административного утверждения на полученной по договору значительной заморской территории, её обустройства и хозяйственно-экономического освоения. На фоне активизации России в Дальневосточном регионе и стремления официального Петербурга, не отстав от других колониальных держав, укрепить здесь своё положение, особую роль в появлении этого феномена сыграли два фактора. Во-первых, многолетний поиск военно-морским командованием удобной незамерзающей гавани как места базирования русской Тихоокеанской эскадры, во-вторых, курс на ускоренное экономическое проникновение в Китай, неразрывно связанный с именем С.Ю. Витте, в 1890-х гг. могущественного главы российского финансового ведомства. В соответствии с этим тихоокеанская экспансия России нашла конкретное воплощение в модернизации военно-морской базы и крепости Порт-Артур и создании города-порта Дальний.

Руководящие круги Российской империи придавали большое военно-стратегическое и геоэкономическое значение её утверждению на берегах Тихого океана. Это стремление рассматривалось и как осуществление Россией «жизнеобновляющей миссии», которую она «самим Провидением» была призвана нести на «необозримой ниве вымирающей восточной цивилизации»⁶, и как едва ли не главное свершение царствования недавно (1896) коронованного монарха. Масштаб геополитических ожиданий, связанных с приобретением Квантуна, объём вложенных в этот проект средств, бурная застройка обоих городов и постепенное превращение Порт-Артура в центр управления не только самой Квантунской областью, но и Приамурским генерал-губернаторством – всё это недвусмысленно свидетельствовало о потаённых надеждах Петербурга утвердиться в этой части Китая навсегда⁷.

С начала XX в. и до недавних пор внимание отечественных и зарубежных историков и археографов концентрировалось преимущественно на политическом аспекте приобретения Россией Квантуна, истории строительства и оснащения Порт-Артура и его многомесячной осады в ходе Русско-японской войны

⁵ Новое время. 1898. 18(30) марта. № 7922. С. 1.

⁶ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 176, л. 51 об.

⁷ В 1900 г. в ходе подавления восстания ихэтуаней Россия расширила и ещё больше укрепила своё присутствие на северо-востоке Китая. 14(26) июля квантунский город Цзинь-чжоу (Цзинь-сянь) «без выстрела», как подчёркивал начальник Квантуна, был лишён автономии и по примеру прочих городов области превращён в один из её административных участков. Порт Инкоу (Нючжуан), не входивший в территорию аренды, вскоре стал русским градоначальством. В нарушение международных обязательств России русские войска продолжали оставаться и в других областях Маньчжурии. Вскоре в Петербурге осознали опасность такого курса: «Мы уничтожили китайскую власть, не устроив свою, – упрекал Николай II военного министра А.Н. Куропаткина осенью 1903 г. – Вместо политики дружеской, основанной на доверии, мы возбудили полное недоверие к нам – не только в китайцах, но во всех европейцах... Мы всё время кривили душою» (РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 761, л. 126).

1904–1905 гг.⁸ При этом то новое, что привнес в колониальную практику Российской империи её квантунский опыт, оставалось вне поля зрения исследователей. Речь идёт об установлении добрых отношений с коренным населением, о хозяйственном освоении арендованной территории, формировании органов гражданского управления, городском строительстве, создании портовой инфраструктуры, решении местных транспортных, экологических, санитарных, социальных проблем, об операциях с недвижимостью, вопросах налогообложения и муниципального управления, культурного взаимодействия представителей метрополии и колонии.

В современной российской историографии проблема гражданской истории «русского» Квантуна была поставлена во второй половине 1990-х гг.,⁹ но изучать её начали лишь в XXI в., когда были защищены кандидатские диссертации по отдельным аспектам темы¹⁰, опубликован ряд научных статей. В частности хабаровский историк М.Х. Яргаев проанализировал создание органов гражданского управления арендованной территорией и разработку нормативно-правовой базы их деятельности¹¹; его петербургский коллега Н.А. Самойлов рассмотрел проекты муниципального управления Дальним¹², а историк архитектуры Н.П. Крадин – планировку этого города¹³. Специалист по истории органов правопорядка В.П. Казанцев и правовед Я.Л. Салогуб изучили деятельность полиции и жандармерии в полосе отчуждения КВЖД¹⁴. Этим же авторам принадле-

---

⁸ См.: История русско-японской войны. В 6 т. / Под ред. М.Е. Бархатова и В.В. Функе. СПб., 1907–1909; *Симанский П.Н.* События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I–III. СПб., 1910; *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906 гг.): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). Изд. 2. М.; Л., 1955; *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973; *Lensen G.A.* Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee, 1982; *Imperial Russian Foreign Policy* / Ed. by H. Ragsdale. Cambridge, 1993; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008; Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник документов. В 2 т. / Под ред. В.П. Козлова. М., 2008; *Самойлов Н.А.* От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013; и др. См. также научно-популярные работы: *Шишов А.В.* Неизвестные страницы русско-японской войны, 1904–1905 гг. М., 2004; *Широкорад А.Б.* Падение Порт-Артура. М., 2003; *Широкорад А.Б.* Российские военно-морские базы за рубежом, XVIII–XXI вв. М., 2013.

⁹ См.: *Дацышен В.Г.* Занятие Порт-Артура. К проблеме приобретения Россией колонии на юге Ляодуна // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1996; *Дацышен В.Г.* Андреевский флаг над Порт-Артуром // Азия и Африка сегодня. 1998. № 3(488).

¹⁰ *Лысев А.В.* Русский Порт-Артур в 1904 году, история военной повседневности. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; *Милежик А.В.* Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления. Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007; и др.

¹¹ *Яргаев М.Х.* Формирование административного аппарата в Квантунской области. 1898–1903 гг. // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 78–90.

¹² *Самойлов Н.А.* Российские планы организации управления городом Дальним на рубеже XIX и XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 144–150.

¹³ *Крадин Н.П.* Дальний (Далянь). Город европейского типа на востоке Азии // Архитектурное наследие. 2003. Вып. 45. С. 162–173.

¹⁴ *Казанцев В.П., Салогуб Я.Л.* Органы полиции и жандармерии в полосе отчуждения КВЖД (1896–1905 гг.) // Материалы IX международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы юридической науки». Ч. 1. Тольятти, 2012.

жит и единственное в отечественной историографии монографическое исследование по рассматриваемой проблеме¹⁵.

В глазах западных историков дальневосточная политика Российской империи представляла собой переплетение силовых и коррупционных акций, в результате которых она установила военно-оккупационный режим в Маньчжурии, включая Квантун¹⁶. Помимо этого в зарубежной историографии за официальным Петербургом утвердилась репутация оплота реакции, не способного к чему-либо креативному и последовательно шедшего по пути консервации в странах Дальневосточного региона отживших, архаичных порядков и институтов¹⁷. В таких, не вполне верных представлениях, вероятно, и кроется причина равнодушия зарубежных историков к интересующим нас сюжетам.

Цель данной статьи — комплексно рассмотреть гражданскую историю «русского» Квантуна с учётом достижений отечественной историографии, в том числе наметившейся в постсоветский период взвешенной оценки феномена колониализма¹⁸ вслед за десятилетиями его обличений в СССР как «злейшего врага народов и культуры», «плацдарма агрессии и реакции», «позора человечества». Тогда над научным анализом брал верх идеологический пафос, а собственно колониализм в своих конкретных проявлениях оставался не исследованным¹⁹.

* * *

Проблемой приобретения незамерзающего порта на Дальнем Востоке командование российского военно-морского флота озаботилось вскоре после создания эскадры Тихого океана в конце 1850-х гг. и основания Владивостока в 1860 г. Последний в этом смысле разочаровал. «Что Владивосток — порт вполне и безусловно замерзающий, несмотря на ледорезы и всевозможные проекты подогреваний бухты искусственным образом, признано всеми моряками», — свидетельствовал русский очевидец²⁰. На протяжении десятилетий корабли русской Тихоокеанской эскадры были вынуждены зимовать в Нагасаки. Однако в 1894 г. японское правительство явочным порядком ограничило присутствие там русских военных судов двумя (Тихоокеанскую эскадру на тот момент составляли 13 вымпелов)²¹, а в 1897 г. и вовсе закрыло для их зимней стоянки рейд Нагасаки.

Более актуализировал потребность русского флота в собственной круглогодичной базе на Дальнем Востоке со свободным выходом в океан неожиданно триумфальный для Японии ход её войны с Китаем (1894—1895). В январе 1895 г. в преддверии

¹⁵ Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е годы — 1905 г.). СПб., 2012 (несмотря на «широкое» название, монография посвящена всё тому же административно-полицейскому присутствию России на северо-востоке Китая в конце XIX — начале XX в.); Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Городское управление Квантунской областью в 1898—1905 гг. (URL: www.synologia.ru).

¹⁶ *Quested R.K.I.* «Matey» Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895—1917. Hong Kong, 1982. P. 103—122.

¹⁷ *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Northern Illinois, 2001. P. 160.

¹⁸ См.: Парфёнов И.Д. Актуальные проблемы истории колониализма // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М., 1989. С. 135—145; Судейкин А.Г. Об историческом месте колониализма // Россия и Британия. Вып. 2. М., 2000. С. 30—35; Остапенко Г.С. Британская модель деколонизации // Там же. С. 52—62; и др.

¹⁹ Луконин Ю.В., Новиков С.С. Актуальные теоретические проблемы изучения колониализма // Восток—Оrients. Афро-азиатские общества: история и современность. 1993. № 6. С. 167—168.

²⁰ РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 24, л. 9.

²¹ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 485, л. 93.

военного разгрома Поднебесной участники Особого совещания под председательством генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича размышляли о превентивном занятии русским флотом корейского архипелага Каргодо «в случае, если бы основания мирных переговоров между Китаем и Японией нарушили явным образом наши интересы на крайнем Востоке», — «для ограждения этих интересов и для приобретения гарантии свободного плавания по проливу Броутон»²². В тот момент подобный шаг был признан преждевременным, но уже в мае 1895 г., вскоре после подписания японо-китайского мирного договора, совместным нажимом со стороны России, Франции и Германии Токио был принуждён отказаться от Ляодунского полуострова как своего главного трофея по итогам войны с Китаем.

Ещё в конце 1880-х — начале 1890-х гг. русские военные атташе в Китае, а вслед за ними топографы и рекогносцировщики посетили порты и бухты, расположенные на северо-востоке Поднебесной. При этом пристальное внимание было обращено на Порт-Артур, поскольку тот «командует морским путём из Тихого океана в Печилийский залив», обладает хорошей якорной стоянкой и открыт для навигации круглый год²³. Однако предпочтения флотского командования склонялись к бухте Киао-Чао (Киао-Чау, Киаучау) на Шаньдунском полуострове либо к одному из обследованных военными моряками заливов, расположенных на юге Кореи.

Позже к этим работам подключились дипломаты. Консулы В.Ф. Гроссе и А.Н. Островерхов после детального осмотра летом 1897 г. соседнего с Порт-Артуром Да-лянь-вана (Таянван, Талиенван, Таяньван, Та-Льен-Ван) единогласно пришли к заключению, что «незамерзаемость» этого залива, его «размеры и положение делают его единственным пунктом в Печилийском заливе, на который может быть обращено серьёзное внимание при решении вопроса об устройстве первоклассного коммерческого порта»²⁴.

Толчком к окончательному выбору Россией пунктов для своих военного и коммерческого портов на Дальнем Востоке стал внезапный захват немцами Киао-Чао 2(14) ноября 1897 г.,²⁵ а также упорные слухи о намерении Великобритании сделать то же с Порт-Артуром и бухтой Да-лянь-ван (факт тайных переговоров на этот счёт британского посланника в Пекине с китайским правительством вскоре подтвердил авторитетный лондонский журнал)²⁶. Однако на Особом совещании, созванном

²² АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 3053, л. 15–16. Пролив Броутон — западный (к западу от острова Цусима) проход Корейского пролива.

²³ Вооружённые силы Китая / Сост. Генерального штаба полковник Путята. 1888–1889 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 39. СПб., 1889. С. 89.

²⁴ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1509, л. 10–20 об.; ф. 340, оп. 584, д. 89, л. 102–107.

²⁵ «2 ноября утром, — передавал поверенный в делах в Пекине А.И. Павлов министру иностранных дел гр. М.Н. Муравьёву содержание телеграммы командующего китайскими войсками в Киао-Чао, предоставленную ему сановником Ли Хунчжаном, — три германских судна с адмиралом вошли в бухту Киао-Чао, высадили десант в двести человек, которые немедленно разрушили телеграфную линию. Адмирал потребовал от начальника китайского гарнизона очистить порт и укрепления в 48 часов, иначе грозил открыть огонь. Китайский отряд отступил, оставив в руках немцев орудия, склады, амуницию и припасы». И далее от себя: «Китайцы крайне поражены, встревожены. Ли Хунчжан от имени китайского правительства убедительно просит помочь советом, поддержать, чтобы не допустить германцев силой завладеть портом» (Телеграмма Павлова Муравьёву. Пекин, 4(16) ноября 1897 г. // Красный архив. 1938. № 2(87). С. 46). Вскоре немецкий десант, увеличенный до 400 человек, захватил близлежащий китайский город и арестовал начальника его гарнизона, что, по словам Павлова, вызвало ещё большее «возбуждение китайского правительства и населения против Германии» (Там же. С. 50). Не удивительно, что вскоре Шаньдун стал одним из центров восстания ихэтуаней.

²⁶ Contemporary Review. L., 1898. June. № 390.

в конце ноября по настоянию гр. М.Н. Муравьева, за немедленное занятие обеих этих гаваней кроме него самого высказался лишь военный министр П.С. Ванновский. Хотя, вероятно, сам Муравьев видел в предложенном им демарше не более чем сиюминутное средство давления на Китай в концессионных переговорах с Пекином. Однако царь оценил перспективность инициативы министра: «Я всегда был мнения, что будущий наш открытый порт *должен находиться* (выделено в документе. — *Д.П.*) или на Ляодунском полуострове, или в с[еверо]-в[осточном] углу Корейского залива»²⁷. Принимая во внимание вновь возникшие обстоятельства и используя германский захват в Китае как прецедент, Николай II распорядился направить в Порт-Артур и Да-лянь-ван отряды военных кораблей.

Пекин, обьятый, как писал Муравьев, «смущением, вызванным действиями Германии в Киао-Чау», получил лицемерные заверения Петербурга в стремлении России лишь защитить его от немецкой угрозы — «иметь твёрдую опору для русской эскадры на случай возникновения в Тихом океане дальнейших неблагоприятных для Китая событий». В ответ китайское правительство не только согласилось на заход русских судов в эти закрытые для иностранцев порты, но изъявило готовность предоставить в распоряжение русской эскадры имевшиеся там арсеналы, угольные склады, пороховые погреба и мастерские²⁸. Первое Пекин обязан был сделать по секретному договору с Россией, подписанному годом раньше, второе совершил в знак особой признательности Петербургу.

4(16) декабря 1897 г. русские боевые суда вошли на рейд Порт-Артура, а 8(20) декабря — в бухту Да-лянь-ван²⁹. Николай II записал в дневнике: «Провожу эти дни в волнении, т.к. в настоящее время на востоке совершаются важные события. Наша эскадра в Тихом океане заняла Порт-Артур и должна войти в Талиенван. Мы на это вынуждены непрошеным захватом бухты Киаучау немцами»³⁰. Министр Муравьев убеждал западных дипломатов, что Россия вошла в Порт-Артур временно и, фактически, по просьбе Пекина. В том же смысле — «что о территориальной уступке нет речи и что русскому флоту лишь предоставлено по дружескому соглашению пользоваться Порт-Артуром и Та-Льен-Ваном для стоянки» — с подачи Петербурга отвечали на запросы японского посланника и сами китайцы³¹. В итоге приход в китайские гавани русских боевых кораблей не сопровождался ни эксцессами с местным населением или властями, ни международными осложнениями — если не считать обеспокоенности по этому поводу британской и японской прессы. «Китайские власти в Порт-Артуре, Талиенване оказывают нашим судам самое широкое внимание, — докладывал поверенный в делах в Пекине А.И. Павлов министру

²⁷ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1514, л. 24.

²⁸ Там же, л. 17.

²⁹ Указывая на эту акцию, а также на другие усилия Петербурга по проникновению в Китай и Корею, некоторые западные историки именуют Россию «самым ненасытным империалистом» в Дальневосточном регионе (*Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Powers, Perceptions, and Primacy. Cambridge, 2003. P. 308*). В постсоветской отечественной историографии был высказан противоположный, но столь же мало обоснованный взгляд. В частности, В.Г. Дацышен считает, что занятие Россией Порт-Артура не являлось результатом «продуманного плана», «диктовалось не потребностями русского флота и необходимостью защиты русских интересов на Дальнем Востоке» и потому было «бессмысленным, бесполезным, вредным, опасным и практически никому в России не нужным» (*Дацышен В.Г. Занятие Порт-Артура... С. 112, 113*). Впрочем, вскоре автор в корне пересмотрел оценку российского присутствия на Квантуне, признав, что эта колония «вполне показала свою жизнеспособность с хорошими перспективами на будущее», и лишь «внешние обстоятельства» не позволили сформироваться из неё «второму Гонконгу» (*Дацышен В.Г. Андреевский флаг над Порт-Артуром. С. 68*).

³⁰ Дневники императора Николая II, 1894–1918 / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1. М., 2011. С. 379.

³¹ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1514, л. 50.

Муравьёву 10(22) декабря 1897 г. — Отношения миссии с министрами самые задушевные. Китайцы видят в присутствии наших судов в П.-Артуре и Тальяньване гарантию против возможного поползновения Японии или Англии занять эти пункты, угрожать Пекину»³².

Однако последующие шаги России лишили российско-китайские отношения былой сердечности настолько, что Петербургу пришлось их «подогревать», в том числе крупными взятками пекинским сановникам и высшим порт-артурским военным и гражданским чинам³³. Переговоры об аренде Квантуна на условиях, выработанных в феврале 1898 г. очередным петербургским Особым совещанием, открылись в Пекине в конце февраля. Несмотря на попытки китайской дипломатии свести их на нет или, по крайней мере, максимально затянуть, благодаря искусству и настойчивости Павлова, они заняли месяц и 15(27) марта были успешно завершены. Договор, согласно которому Россия получала Квантун в безвозмездное, полное и исключительное арендное пользование на 25 лет с правом строительства на нём военно-морской базы, торгового порта и железной дороги, в Петербурге оценили как крупный и долгожданный успех. Получив поздравления Муравьёва с достигнутым соглашением «без всякой насильственной оккупации»³⁴, царь воздал хвалу Всевышнему за благополучное окончание «давно желательного» дела «без пролития нашей драгоценной русской крови»³⁵ и распорядился произвести своего главного переговорщика и подписанта Павлова в следующий чин вне очереди и «вне всяких правил».

«Соглашению этому мы придаём великое историческое значение, — писал Николай II в приветственной телеграмме богдыхану (китайскому императору. — *Д.Б.*), — ибо оно несомненно послужит к вящему скреплению дружественных уз, искони веков существовавших между нашими обширными соседними империями, и так явно соответствует интересам обоих государств»³⁶. В официальном сообщении от 17(29) марта русское правительство призвало мировое сообщество «радостно приветствовать» свой только что подписанный договор с Китаем, поскольку тот не только «отнюдь не нарушает интересов какого-либо иностранного государства», но, напротив, «создаёт в Тихом океане новый обширный центр для торговых и промышленных предприятий», призванный «соединить крайние пределы двух материков Старого Света»³⁷. Циркуляр МИД предписывал зарубежным представителям России указать правительствам, при которых они аккредитованы, что хотя Порт-Артур и Да-лянь-ван заняты русским военным флотом, последний будет открыт для иностранной торговли (за исключением одной из внутренних бухт), и «суда всех дружественных наций встретят там самое широкое гостеприимство»³⁸.

20 марта (1 апреля) договор был ратифицирован. Дополнительный протокол, подписанный в Петербурге 25 апреля (7 мая) 1898 г., установил демаркационную линию между китайской и арендованной территориями и нейтральную зону к северу от неё. В последней китайская гражданская администрация обязывалась без

³² Там же, л. 58.

³³ См.: Переписка о подкупе китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана // Красный архив. 1922. № 2. С. 287–293; Переписка о вознаграждении китайских чиновников за помощь в занятии Квантуна. [Подборка документов РГА ВМФ] // *Казанцев В.П., Салогуб Я.Л.* Русская Маньчжурия... С. 198–201; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»... С. 319, примеч. 106.

³⁴ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1515, л. 81.

³⁵ Дневники императора Николая II, 1894–1918. Т. 1. С. 398.

³⁶ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1515, л. 85 об.

³⁷ Правительственный вестник. 1898. 17/29 марта. № 60. С. 1.

³⁸ Там же.

согласия Петербурга не предоставлять иностранцам ни земель, ни концессий любого вида, ни портов для ведения торговли — по примеру условий своего соглашения с Германией об аренде немцами Киао-Чао. Наконец, 24 июня (6 июля) 1898 г. между китайским правительством и Обществом КВЖД был заключён договор, дававший последнему право на продолжение железной дороги до Да-лян-вана и Порт-Артура и её эксплуатацию. Договор стал считаться «первым дополнением» к ранее утверждённому царём уставу Общества.

По мнению МИД, мартовская конвенция 1898 г. с Китаем сделала замысел российских военных утвердиться в Корее впредь неактуальным и даже политически избыточным. Все силы Муравьев предлагал направить на освоение Квантуна, и Николай II этот призыв как будто поддержал. «Рискованные предприятия, вроде занятия острова Каргодо только на том основании, что будто бы стратегическое значение его имеет преимущества пред Порт-Артуром, — писал министр императору, — должны быть исключены из военно-политической программы России... Только прочно укрепившись в Порт-Артуре и связав его железнодорожной ветвью с Россией, мы можем твёрдо ставить свою волю в делах Дальнего Востока и, если потребуется, поддержать её силой»³⁹.

Переговоры с Китаем об аренде Россией Квантуна велись в тайне, и новость о заключённой конвенции застала русское общество врасплох; даже указать этот полуостров на карте были способны не многие. Взволнованная публика любопытствовала. В российской провинции из-за скудной печатной информации о вновь полученной территории стали читать лекции о её географии и этнографии. Причём неведомо откуда взявшиеся лекторы порой рисовали Квантун настолько яркими красками, что у слушателей, по уверению одного из них, «захватывало дух: девственные заросли пробкового дуба, бамбука служили обиталищем различного рода зверям и красивого вида птицам, в окрестностях — превосходный курорт» и т.д.⁴⁰.

Что же в действительности представлял собой имевший столь бесспорное стратегическое значение полуостров, арендованный у Китая? Это был гористый, безлесный, экономически отсталый, бездорожный аграрный регион с малоплодородными каменистыми почвами и дефицитом питьевой воды. Ветренный, зимой морозный, а летом жаркий и влажный климат вместе с повальной антисанитарией способствовал эпидемиям холеры, чумы и других инфекционных заболеваний туземного населения. Помимо земледелия и рыболовства в прибрежной зоне, коренные жители, китайцы и маньчжуры, занимались шелководством; промышленность сводилась к кустарной и преимущественно хищнической добыче золота, каменного угля и соли. При неразвитости городской жизни область была плотно заселена (78 человек на кв. км), на её территории насчитывалось 1955 селений⁴¹; по описанию путешественников, крестьянские «дома, сложенные частью из камня, частью из самодельного кирпича и все крытые соломой — бедны и грязны»⁴².

Четырёхтысячный Порт-Артур, третий по размеру после Цзинь-чжоу и Бицзы-во город полуострова, несмотря на сооружённый французскими инженерами

³⁹ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 596, л. 7 об.—8.

⁴⁰ Прошлое Порт-Артура... С. 62–63.

⁴¹ Подсчитано мной по: Памятная книжка Квантунской области за 1902–1903 гг. Ч. 1. Порт-Артур, 1902. С. 139–170. Схожие сведения приводил капитан Генштаба В.К. Самойлов. Его экспедиция насчитала на Квантуне 1418 населённых пунктов плюс 400 «отдельных фанз, носящих название деревень» (Самойлов В.К. Описания занятой нами территории на Ляодунском полуострове. СПб., 1899. С. 214–215).

⁴² Котвич В., Бородовский Л. Ляодун и его порты: Порт-Артур и Да-лянь-вань (историко-географический очерк). СПб., 1898. С. 38.

водопровод, был, по свидетельству очевидца, таким же неприглядным и зловонным, как и соседние китайские деревни: «В нём не было правильно разбитых улиц, не было хороших зданий. Тут лепились наскоро из глины выложенные фанзы-домики, было грязно»⁴³. Близ будущего города-порта Дальнего стоял городок Талиенван в 1,5 тыс. жителей, застроенный «дрянными лавками и грязными клетушками, которые самое лучшее сломать»⁴⁴. В общем было очевидно, что новое городское и крепостное строительство, углубление и обустройство артурского порта и обеих арендованных бухт потребуют немалого времени и серьёзных затрат.

По распоряжению царя подготовка к высадке на Квантуне сухопутных войск и к десантированию с кораблей, стоявших на рейде с декабря 1897 г., началась ещё до окончания переговоров с Китаем. В соответствии с договорённостью, в ночь на 15(27) марта 1898 г. китайский гарнизон был организованно выведен из Порт-Артура. Во второй половине дня в крепость торжественно вступил и занял ближние к морю форты сводный армейско-казачий отряд с лёгкой артиллерией, доставленный из Владивостока неделей раньше. В Талиенване высадился десант в 180 матросов. Сразу вслед за тем командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ф.В. Дубасов издал прокламацию на китайском языке, в которой сообщил, что по приказу русского царя полуостров взят под его, «Ду», попечение с гарантией «невозмутимого спокойствия и благоденствия под русской защитой» (накануне о русской аренде Квантуна население края печатно известили китайский генерал-губернатор и даотай, глава гражданской администрации). В прокламации Дубасов обещал, что низший чиновный аппарат на полуострове будет сохранён, «подчиняясь лишь контролю и власти русской администрации», поскольку единственная цель России — «преобразовать военную и морскую системы Китая», превратив Квантун в его «устойчивую и надлежащую защиту»⁴⁵. Это объявление русского адмирала местные китайские чиновники в стремлении сохранить свой авторитет истолковали в ещё более успокоительном для соотечественников духе. По их трактовке, русские войска явились «как наёмники, призванные китайским правительством для охраны страны от японцев», но «если они позволят себе неуважение к властям, то их сейчас же рассчитают и прогонят вон»⁴⁶. В итоге край был занят совершенно спокойно.

Без промедления началось вооружение и оснащение разорённой японцами крепости. Спустя неделю после подписания договора аренды военный министр А.Н. Куропаткин доложил императору об отправке в Порт-Артур 150 крупнокалиберных орудий из Либавы и Свеаборга. К 1900 г. на вооружении крепости стояло 352 пушки, мортиры и гаубицы с прислугой, включая 124 орудия береговой обороны, и 48 пулемётов⁴⁷. На 1 января 1902 г. их стало уже 590, гарнизон

⁴³ Прошлое Порт-Артура... С. 66.

⁴⁴ *Самойлов В.К.* Указ. соч. С. 197, 221. «Талиенван — пресквернейший городишко, — писал посетивший его в 1899 г. другой русский офицер. — Там имеется железная пристань, одна улица, несколько лавок и вид на самую большую гору области — Сампсон. Больше нет ничего» (Прошлое Порт-Артура... С. 72).

⁴⁵ Цит. по: Там же. С. 60.

⁴⁶ *Россов П.* Квантун. Бытовые очерки Квантунской области // Новый край. 1900. 1 января. № 1. С. 2, 3.

⁴⁷ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 6, оп. 4/1, д. 865. л. 42–46; д. 866, л. 98–102. Современные военные историки весьма критически оценивают боевые качества этой артиллерии. См.: Строительство морской базы и крепости в Порт-Артуре // Обозник. История тыла российской армии. Информационно-тематический портал (URL: www.oboznik.ru).

был доведён до 11 300 штыков и сабель. Как и ожидалось, всё это потребовало внушительных трат — в первый же год аренды Военное министерство получило целевой сверхсметный кредит в размере 10,2 млн руб. Свои будущие затраты на охрану Квантунского полуострова (до 1903 г. включительно и без учёта стоимости фортификационных и внутрикрепостных дорожных работ) оно оценило в 26 млн руб.⁴⁸ Не дремало и военно-морское ведомство. Согласно справке Главного морского штаба, к 1901 г., по сравнению с серединой 1890-х гг., Тихоокеанская эскадра утроилась, а к лету 1903 г. включала уже 66 вымпелов с совокупной командой более чем в 10 тыс. матросов. В 1901–1903 гг. на «внутреннее устройство и оборудование порта Артур» как главной базы эскадры морскому ведомству выделили 16,9 млн руб. казённых средств⁴⁹.

Вслед за военными в Порт-Артур из России потянулись гражданские — чиновники, члены офицерских семей, предприниматели, коммерсанты, в основном дворяне и мещане. Что касается крестьян и казаков, то, по данным В.М. Кабузана, в 1898–1903 гг. в Приморскую область их переселилось свыше 56 тыс. человек⁵⁰, но на Квантун рискнули отправиться немногие. Всеподданнейший отчёт начальника области зафиксировал наличие в его «владениях» в 1901 г. около 6 тыс. крестьян обоего пола и полное отсутствие русских сельских поселений⁵¹. Таким образом, русская диаспора на Квантуне всегда оставалась исключительно городской. Но в 1900 г. общее количество переселенцев из метрополии, по официальным данным, ещё не превышало 1 тыс. человек.

«Порт-Артур при занятии его русскими, — вспоминал очевидец, — представлял очень небольшой и весьма грязный китайский городок, весь сосредоточившийся в районе называемого ныне Старого города. После того как китайские власти сдали город русским, наши казённые и общественные учреждения разместились в китайских кумирнях и ямынях (присутственных местах), войска — в импанях (китайских казармах, обнесённых глинобитными зубчатыми стенами), а частные обыватели и служащие — в фанзах (китайских домах), владельцы которых бежали, опасаясь, что произойдёт такая же резня, как и при взятии Порт-Артура японцами [в ноябре 1894 г.]⁵². Городское управление начало покинутые фанзы сдавать в аренду русским, предупреждая, однако, что вырабатывается план Нового города, по постройке которого Старый город будет весь сломан ввиду его крайне антисанитарного состояния и загрязнённой китайцами и пропитанной заразой почвы»⁵³. К сносу фанз старого города власти приступили летом 1902 г. — к этому подтолкнула вспыхнувшая здесь эпидемия холеры.

Землеотвод, планировка и первичное благоустройство территории нового города в западной части внутреннего рейда потребовали времени и 385 тыс. руб. Первые участки нового Порт-Артура были выставлены на торги в июне 1901 г., причём по высоким ценам, которые едва не превзошли даже петербургские (до 20 тыс. руб. за стандартный участок в центральной части⁵⁴). К тому времени количество русских в Порт-Артуре составляло уже 8,6 тыс. человек, приток западноевропейцев

⁴⁸ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1548, л. 129.

⁴⁹ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 485, л. 96–97.

⁵⁰ Подсчитано мной по: *Кабузан В.М.* Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX века). Изд. 2. Хабаровск, 1976. С. 113–117.

⁵¹ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 48.

⁵² Чиновник Министерства финансов, находившийся в тот момент в Порт-Артуре, насчитал до 40 джонок с такими беглецами (АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 3225, л. 17).

⁵³ *Лобач-Жученко Б.М.* Порт-Артур. СПб., 1904. С. 6–7.

⁵⁴ Там же. С. 11–12.

тоже нарастал. Учитывая это, в том же 1901 г. городские власти объявили конкурс на строительство в новом городе первоклассной гостиницы с «полной обстановкой», ванными комнатами, рестораном и бильярдной⁵⁵. Офицеры и гражданские государственные чиновники получали землю бесплатно вместе с льготной казённой ссудой на её застройку в течение трёх лет, прочие участки выкупали — по «Положению о продаже земельных участков города Порт-Артура частным лицам». Китайцы также получили право участвовать в торгах, но могли приобретать здесь землю лишь для постройки магазинов или сдачи возведённых на ней домов в аренду европейцам. До конца 1901 г. продали половину вновь выделенных участков (87 из 163), что принесло городской казне свыше 700 тыс. руб.⁵⁶ В 1903 г. в Порт-Артуре проживали уже 18 тыс. подданных России⁵⁷.

Рост российского населения, гражданская застройка новой части Порт-Артура и возведение Дальнего совпали с масштабными фортификационными работами в крепости, начатыми в 1900—1901 гг. К тому времени от первоначальных опасений местного населения относительно русской власти не осталось и следа. Из деревень и соседних провинций Китая в «русские» города хлынул поток китайских рабочих, торговцев и прислуги — формально конвенция 1898 г. не нарушала верховных прав богдыхана на арендованную Россией территорию, и его подданные могли свободно пересекать её границы. К концу 1901 г. за счёт таких переселенцев (в основном уроженцев Тяньцзина и провинции Шаньдун) китайское население русской аренды возросло до 274 тыс.,⁵⁸ а перед Русско-японской войной — до 300—310 тыс. человек. В одном Порт-Артуре в 1903 г. постоянно проживали 23,5 тыс. китайцев, или почти вшестеро больше, чем в 1898 г.; число сезонных вольнонаёмных китайских рабочих порой доходило до 100 тыс. человек⁵⁹.

Этой миграции и, как следствие, быстрому росту туземного населения Квантуна не мешали ни высокая смертность китайцев, в числе прочего вызванная инфекционными заболеваниями (в 1900 и 1901 гг. власти области боролись с брюшным тифом, занесённым в Порт-Артур и Дальний китайскими рабочими), ни длительные пограничные карантинные меры, призванные предотвратить проникновение на полуостров смертельной заразы извне. В ноябре 1899 г. в тогда ещё управляемом китайской администрацией Инкоу произошла вспышка бубонной чумы, которую удалось ликвидировать только к началу 1900 г.; бороться с чумной эпидемией в этом же городе в августе—ноябре 1900 г. пришлось уже русской военно-санитарной службе.

⁵⁵ Новый край. 1901. 14 февраля. № 19. С. 1.

⁵⁶ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 6 об.

⁵⁷ В подавляющем большинстве это были этнические русские. Царь поддержал решение своих министров запретить российским евреям селиться в Квантунской области, и лишь нескольким десяткам из них поначалу удалось обойти это правило. Свой запрет власти мотивировали тем, что евреи, преследуя «исключительно цели быстрой наживы без всякого разбора к тому средств», «едва ли могут служить проводниками русского влияния на Дальнем Востоке». В Петербурге в них также видели конкурентов русскому населению в торгово-промышленной деятельности (АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1537, л. 20). В 1900 г. в Квантунской области проживали 66 евреев, год спустя — 43.

⁵⁸ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 47 об.

⁵⁹ *Тиреер*. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 3. С. 199. Поток мигрантов был столь велик, что их доставка на Квантун превратилась в главную «доходную статью» местных пароходоладельцев и хозяев джонок, многие из которых занялись конкурентов русскому населению в торгово-промышленной деятельности (АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1537, л. 20). В 1900 г. в Квантунской области проживали 66 евреев, год спустя — 43.

⁵⁹ *Тиреер*. Порт-Артур и его интересы до учреждения наместничества // Военный сборник. 1904. № 3. С. 199. Поток мигрантов был столь велик, что их доставка на Квантун превратилась в главную «доходную статью» местных пароходоладельцев и хозяев джонок, многие из которых занялись конкурентов русскому населению в торгово-промышленной деятельности (АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1537, л. 20). В 1900 г. в Квантунской области проживали 66 евреев, год спустя — 43.

«В целях увеличения этого движения и возможности даже неимущим рабочим приезжать в область на заработки, — утверждал начальник области, — владельцы судов часто принимают в Чифу пассажиров безденежно, с условием уплаты за то в обратный рейс двойной цены» (РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 9 об.).

Поднятие русского флага над Золотой горой в марте 1898 г. знаменовало создание новой военно-гражданской администрации арендованной территории, а также начало её хозяйственного освоения. Вскоре в духе межведомственной разобщённости, характерной для русской дальневосточной политики в целом, Порт-Артур и Дальний стали управляться по-разному: первый остался под контролем военного и морского ведомств, второй передали в ведение формально частного акционерного, а на деле полуправительственного Общества КВЖД под высшей юрисдикцией министра финансов⁶⁰.

Но поначалу на Квантуне властвовали военные: до сентября 1898 г. адмирал Дубасов и прибывший в Порт-Артур ещё в начале апреля генерал-майор В.С. Волков. Первому по ходатайству военного и морского министров «высочайше» вверялось «высшее начальствование морскими и сухопутными силами, а равно гражданской администрацией» на полуострове (впредь «до утверждения порядка управления краем»)⁶¹, второму — непосредственное командование сухопутными войсками.

В своей практике Дубасов следовал указаниям Петербурга, но часто действовал и самоуправно (как утверждали его недоброжелатели, нередко следуя прихотям жены, родной сестры Д.С. Сипягина, вскоре ставшего министром внутренних дел). Однако сменивший его приморский военный губернатор генерал-майор Д.И. Суботич, наделённый правами военного губернатора Квантуна по гражданской части и командира корпуса — по военной (одновременно — коменданта Порт-Артура), в должности «начальника полуострова»⁶² уже был подчинён приамурскому генерал-губернатору и командующему войсками Приамурского военного округа с резиденцией в Хабаровске (в чём сам Суботич видел огромное неудобство). Такая административная комбинация, инициированная военным министром А.Н. Куропаткиным, превращала Квантун как бы в колонию вдвойне.

Однако фактически власть Дубасова и Суботича распространялась на Порт-Артур, отчасти на Талиенван и лишь формально — на китайскую деревню, где продолжала действовать прежняя управленческая структура. «С удалением китайцев и с водворением нашего управления, — докладывал Дубасов управляющему Морским министерством, — начинает возникать ряд вопросов военного и гражданского характера, которые я разрешаю, как могу. В самых портах пока не встречаю затруднений, но кроме их в наши руки поступила целая внутренняя область, куда моя власть с палубы корабля не может простираться»⁶³.

Наряду с областной военной администрацией были созданы гражданское отделение штаба крепости (аналог канцелярии губернатора) и окружное

---

⁶⁰ Отсутствие в России единого ведомства по управлению зависимыми территориями в виде, к примеру, Министерства колоний историк А.В. Ремнёв объясняет тем, что «Российская империя не хотела быть колониальной» и желала «дистанцироваться от европейских колониальных держав» с их «корыстной экономической политикой» и «демонстративным расовым и культурным превосходством над туземцами» (*Ремнёв А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: Колониализм без Министерства колоний — русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 175*). Американский филолог и историк А.М. Эткин полагает, что в России роль колониального ведомства играло МВД (*Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Изд. 3. М., 2016. С. 240*). Правда, в обоих случаях речь идёт не о заморских территориях.

⁶¹ ГА РФ, ф. 1284. 1898, оп. 185, д. 51, л. 65.

⁶² Должность была учреждена «Высочайшим повелением» от 11/23 августа 1898 г.

⁶³ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1511, л. 8.

гражданское управление. Последнее на местах представляли приставы и два полицмейстера, по одному – в Порт-Артуре и будущем Дальнем. Они выполняли не только полицейские, но и на правах мировых судей судебные функции в городах. Делами же китайской деревни продолжали веждать туземные чиновники и органы общинного самоуправления. В общем первоначальная (переходная) модель управления Квантуном была близка той, которую Л.М. Лысенко предложила именовать «военно-народной»⁶⁴.

В Петербурге настаивали на поддержании «приятельных» отношений с Китаем – с подачи министров Муравьёва и Витте, под этим лозунгом шла разработка структуры управления вновь приобретённой территорией⁶⁵. Важность этого понимала и переходная военно-гражданская администрация. Во всяком случае, благодаря «гуманному и просвещённому управлению» Суботича, отмечалось в порт-артурской печати, между русской властью и китайским населением установились «самые нормальные и добрососедские отношения»⁶⁶; ту же «дружественность» отметил и капитан В.К. Самойлов⁶⁷.

Очень скоро жизнь испытала эти отношения на прочность – в конце 1899 г. в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней. Казалось, что Квантун, захваченный, по терминологии китайских патриотов-инсургентов, «белыми дьяволами», был обречён стать таким же центром их антиевропейской и антиколониальной борьбы, как германский Шаньдун, тем более что в 1900 г. отряды «боксёров» вошли в нейтральную зону Ляодунского полуострова и начали действовать у границ русской аренды. Но даже в такой обстановке коренное население Квантуна не проявило склонности бунтовать – настолько, что летом 1900 г. русское командование направило часть расквартированных на полуострове войск в составе международной коалиции в глубь Китая для подавления восстания.

Туземное население Квантуна, несмотря на «живой интерес, проявленный им к происходящим в Китае беспорядкам, – докладывал начальник области царю, – всё время оставалось спокойным, выражало русской администрации полное доверие и видело залог своей безопасности в русском управлении и под защитой русских войск». Как выяснилось из «множества просмотренных администрацией частных писем» (перлюстрация производилась по условиям введённого в области военного положения), квантунские китайцы «убеждали своих родственников и знакомых переселяться, впредь до умиротворения Китая, на Квантун, где безопасность их была бы вполне обеспеченной. Единственно, чего туземное население страшилось, это ухода русских войск из области»⁶⁸.

Между тем система управления арендованной территорией совершенствовалась. Рескриптом на имя Витте от 30 июля (11 августа) 1899 г. царь повелел министеру начать сооружение близ Талиенвана «города, коему даруем наименование

⁶⁴ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). Изд. 2. М., 2001. С. 157–159.

⁶⁵ См.: Яргаев М.Х. «Поддержание приятельных отношений с Китаем должно быть целью нашей политики». Две записки министра иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьёва председателю Совещания об управлении Квантунской областью Д.М. Сольскому. 1898 г. // Исторический архив. 2006. № 4; Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Русская Маньчжурия... С. 62.

⁶⁶ Новый край. 1900. 1 января. № 1. С. 3. Российские источники фиксируют лишь один эпизод «открытого сопротивления» местного населения русским властям – в январе 1899 г. при сборе податей в деревне Лиу-цзя-тунь близ тогда ещё автономного Цзинь-чжоу.

⁶⁷ Самойлов В.К. Указ. соч. С. 211.

⁶⁸ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 37 об.–38.

Дальний»⁶⁹, а 16(28) августа, минуя, вопреки обычаю, Госсовет, утвердил разработанное Особым совещанием под председательством Д.М. Сольского «Временное положение об управлении Квантунской области» – обширный, 138-статейный документ, который вводил общеимперскую в своей основе систему областного управления. Таким образом, переходный этап занял полтора года, и уже со второй половины 1899 г. началось системное административное инкорпорирование Квантуна в состав Российской империи. В результате произошло вытеснение кредитным русским рублём серебряного («мексиканского») доллара, всего годом раньше бывшего главным платёжным средством на полуострове.

В соответствии с «Временным положением...», высшим должностным лицом Квантуна стал его «главный начальник»⁷⁰ (с резиденцией в Порт-Артуре), одновременно «главноначальствующий» гражданской частью и командующий войсками области (на правах командующего округом) и морскими силами Тихого океана с правами командира флота и портов. Главный начальник назначался и увольнялся императором, был выведен из подчинения Хабаровску, но по военно-сухопутным, гражданским и административно-полицейским делам состоял в ведении Военного министерства, а по военно-морским – подчинён руководителю морского ведомства.

Отношение «главноначальствующего» к прочим отраслям управления (судебной, финансовой, дипломатической, контрольной, почтово-телеграфной, учебной, горной) регулировало общеимперское законодательство: «Общее губернское учреждение», «Судебные уставы 1864 г.» (с последующими, а также вызванными местными условиями изменениями и дополнениями), «Городовое положение 1892 г.», «Свод уставов учебных учреждений и учебных заведений» и др. При главном начальнике края состоял ряд высших совещательных и центральных исполнительных учреждений области – военно-областной совет, санитарно-исполнительная комиссия, областной санитарный комитет, управления: гражданской частью и дипломатической и др.

19(31) августа 1899 г. на должность главного начальника края назначили вице-адмирала Е.И. Алексеева. Летом 1903 г. он был произведён в наместники царя на Дальнем Востоке с ещё более широкими полномочиями по управлению не только Квантунской областью, но одновременно и её недавним «сюзереном» – Приамурским генерал-губернаторством. Таким образом, незадолго до Русско-японской войны Порт-Артур был превращён в столицу дальневосточного наместничества – искусственной и трудно управляемой административно-территориальной единицы, объединявшей восточную окраину империи с заморской колонией, которая отстояла от неё на тысячу километров. В европейских столицах и особенно в Токио появление этого наместничества расценили как шаг России к включению Маньчжурии в свой состав.

За общеквантунским «Временным положением...» последовал ряд локальных нормативных актов, утверждённых начальником области – «Временные

---

⁶⁹ «Высочайшее повеление» Обществу КВЖД приступить к сооружению и последующей эксплуатации порта в Да-лянь-ванской бухте последовало годом раньше – 29 мая (10 июня) 1898 г. Тем не менее в современном Китае датой основания Даляня считают 11 августа 1899 г.

⁷⁰ Появление столь экзотической для русской бюрократии должности объясняется просто: по требованию китайской стороны, высшее должностное лицо арендуемой Россией территории не могло носить звания губернатора или генерал-губернатора (ст. IV «Русско-китайской конвенции» 1898 г.). Из этого Яргаев поспешил заключить, что «экстраполяция российской традиции местного управления на новообретённую территорию не допускалась» (Яргаев М.Х. Формирование административного аппарата... С. 78).

правила о городском управлении Порт-Артура», «Временные положения об устройстве и управлении Талиенванем» и др., в соответствии с которыми область была разбита на пять административных участков с офицерами во главе, подчинёнными областному гражданскому комиссару. На попечении тех же начальников участков находилось муниципальное хозяйство китайских городов области. В «русских» городах распорядительные функции, аналогичные внутри-российским городским думам, выполняли городские советы, половина членов которых избиралась русскими обывателями (в горсовете Дальнего, учитывая многонациональный состав его населения, специально оговаривалось наличие не менее двух русских подданных). Функции исполнительные (русских городских управ) возлагались на назначаемых чиновников: председателя с помощником в Порт-Артуре, а в Дальнем – полицмейстера, вскоре переименованного в градоначальника⁷¹. На государственную службу привлекались и китайцы, которых рассматривали как «посредствующую инстанцию» между русской администрацией и коренным населением. В органах управления они работали переводчиками, занимали должности старшин и их помощников-полицейских, сельских старейшин. Волостные старшины и сельские старосты назначались, городские – избирались; средства, необходимые на их содержание, китайское население уплачивало по раскладке, в виде общественного сбора. Во вновь образованных казённых русско-китайских школах полуострова вместе с русскими преподавали китайские учителя.

Политика колониальной администрации в сфере культуры и образования, которую определяло требование «создать в этой отдалённой окраине русскую культуру и упрочить здесь русское влияние», не подразумевала одномоментной насильственной русификации коренного населения, уничтожения его традиционного уклада, подавления и вытеснения религии, обычаев и языка. Средние учебные заведения области были ориентированы как на образование русских детей по внутрироссийским светским стандартам (от церковно-приходских школ на Квантуне осознанно отказались), так и на культурное взаимодействие пришлого населения с коренным. Учебное дело на Квантуне, писал приамурский окружной инспектор училищ главному начальнику края в апреле 1901 г., должно «положить начало к более близкому и рациональному общению русских с окружающими их коренными жителями страны... Особенностью школ для русских должно быть возможное стремление к изучению китайского и английского языков... Цель школы для китайцев – научить их русской грамоте и разговорной речи, не лишая их возможности к своему национальному обучению»⁷². Последнее обеспечивали 283 традиционные китайские школы области с почти 3 тыс. учеников.

Первую на Квантуне русскую школу открыли в июне 1899 г. в Би-цзы-во. Пушкинская городская школа (затем училище), начавшая работу в Порт-Артуре в октябре 1899 г., также включала бесплатное отделение для китайских мальчиков и вечерние курсы русского языка для взрослых китайцев. В свою очередь, русские школьники имели ежедневный урок китайского языка, на вечерних курсах его изучали желающие взрослые. В 1901 г. в трёх русско-китайских школах области обучались около 150 китайских детей; их учебная программа была составлена так, чтобы, как писал адмирал Алексеев в упомянутом отчёте, «окончившие полный курс китайцы могли составить контингент лиц, вполне подготовленных

---

⁷¹ Подробнее см.: Городское управление Квантунской областью в 1898–1905 гг.; *Казанцев В. П., Салозуб Я. Л.* Русская Маньчжурия... С. 73–77.

⁷² РГИА, ф. 733, оп. 166, д. 159, л. 45–48 об.

для занятия низших должностей по администрации в области и на железной дороге»⁷³. Таким образом, в перспективе предполагалось расширить участие коренного населения в делах управления. По данным областной переписи, к 1903 г. из 23,5 тыс. порт-артурских китайцев 1 200 уже говорили по-русски⁷⁴.

В Цзинь-чжоу наряду со среднеобразовательной русско-китайской школой существовала такая же смешанная школа — садоводства и огородничества с опытным полем⁷⁵, призванная распространять среди местного населения передовые агрономические приёмы вместе со знанием русского языка. Тяга к межкультурному общению оказалась обоюдной: китайцы с такой готовностью отдавали детей в специализированные классы русских школ, что вскоре для них уже перестало хватать мест (власти стали готовиться к открытию четвёртой русско-китайской школы); русские дети учили китайский язык, взрослые охотно посещали китайские театры в старой части Порт-Артура. Планировалось открытие русско-китайского музея с коллекцией предметов и книг по истории Китая⁷⁶ — в 1901 г. в Порт-Артуре был образован русский общественный Комитет по его устройству, и начался сбор средств. Адмирал Алексеев хлопотал об издании в Порт-Артуре газеты на китайском языке, видя в ней средство «оповещения населения области о всех касающихся его мероприятиях» и его воспитания «в принципах русской гражданственности»⁷⁷.

В феврале 1900 г. в Порт-Артуре открылся окружной суд, в области в соответствии с общероссийским судебным законодательством начали действовать мировые суды, однако коренное население было выведено из-под их юрисдикции. Согласно ст. IV конвенции 1898 г., в случае совершения китайским подданным тяжкого преступления на арендуемой Россией территории он передавался китайским властям за пределами аренды для суда и наказания по китайским законам. Для разбора гражданских дел и мелких уголовных преступлений, совершённых китайцами на территории аренды, создали новую для Квантуна систему «народного» суда, включавшую две инстанции — нижнюю волостную и верхнюю участковую. Судьи нижней инстанции избирались населением волости из «туземцев, знающих местные обычаи», председатели волостных судов назначались начальниками участков, они же определяли членов участкового суда из числа избранных волостных. «Народные» суды осуществляли правосудие гласно, публично и на основании китайских «законов и обычаев»⁷⁸. Признанных виновными штрафовали (денежные взыскания направлялись в волостной бюджет), подвергали телесным наказаниям (до 50 ударов розог), приговаривали к общественным работам или заключали под стражу на срок до полутора лет. Приведение в исполнение приговоров и решений «народных» судов возлагалось на волостных старшин и сельских старост под общим наблюдением начальника участка⁷⁹. Вопреки опасениям скептиков, система таких судов была создана и заработала: по данным квантунских властей, в 1900–1901 гг. «народные» суды области рассмотрели 234 гражданских и 78 уголовных дел⁸⁰.

⁷³ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 22.

⁷⁴ *Дацышен В.Г.* Андреевский флаг над Порт-Артуром. С. 68.

⁷⁵ Памятная книжка Квантунской области за 1902–1903 гг. Ч. 2. 1903. С. 10.

⁷⁶ *П.Г. Сон* // Новый край. 1901. 21 января. № 9. С. 3.

⁷⁷ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 37.

⁷⁸ «Выборное начало и самоуправление не свойственны китайцам, привыкшим к контролю и опеке могущественной бюрократии, — сомневался в жизнеспособности этих судов видный Китаевед и дипломат И.Я. Коростовец. — Самого названия “народный суд” или “суд” не существует и нет иероглифа для обозначения этого понятия» (РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 1092, л. 24).

⁷⁹ Там же, л. 28–28 об.

⁸⁰ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 25.

Вопрос о праве русской администрации взимать разного рода пошлины, а также собирать подати с местного населения стал предметом консультаций МИД и Министерства финансов с Ф.Ф. Мартенсом, крупным авторитетом в вопросах международного права. Проанализировав недавний западноевропейский опыт (порядок выполнения соответствующих норм, предусмотренных австро-турецкой конвенцией 1879 г. о Боснии и Герцеговине и англо-турецкой 1897 г. о Кипре), Мартенс пришёл к заключению, что по установившейся зарубежной практике Россия была вправе ввести на Квантуне пошлины и налоги, но с тем чтобы полученные таким образом средства «шли исключительно на покрытие местных потребностей»⁸¹. В соответствии с этими рекомендациями в 1899–1900 гг. власти Квантуна произвели раскладку поземельного налога, причём размеры своих обрабатываемых участков (а значит, и сумму подати) крестьяне объявляли сами. С 1900 г. земельный налог вместе со сбором на общественные нужды (приблизительно 90 тыс. руб. в год) стал собираться полностью и, как докладывал Алексеев царю, «без каких-либо недоразумений»⁸². Заметно увеличились и поступления от портовых сборов. Коммерческая гавань Порт-Артура, которую с начала русской аренды стало ежегодно посещать свыше 700 торговых судов (половина — под русским флагом), в 1900 г. принесла в городскую казну около 155 тыс., а в 1901 г. — уже 590 тыс. руб.⁸³

Как видим, в целом система гражданского управления Квантуном стремилась копировать внутрироссийскую, но учитывала и местную, китайскую специфику. Современные отечественные правоведы считают созданную здесь управленческую модель вариантом административной системы среднеазиатских окраин Российской империи, но с элементами новизны и «либеральности»⁸⁴. Говорить вслед за В.Г. Дацышеном о «русском» Квантуне как о «классической колонии нового времени» или о вхождении его коренного населения «в единое правовое пространство Российской империи»⁸⁵ нет оснований. Хотя конвенция 1898 г. высшее гражданское управление арендой всецело предоставляла русским властям, квантунские китайцы оставались подданными богдыхана и могли в любой момент беспрепятственно покинуть территорию русской аренды. Характерно, что в мирное время этим правом почти никто из них не воспользовался. Очевидно, что неверно характеризовать здешний колониальный режим как сугубо военный, при котором, по утверждению Р. Квестед, русское и китайское «сообщества» были «совершенно обособлены» одно от другого⁸⁶.

Изучение арендованной территории как предварительный этап её хозяйственного освоения началось уже летом—осенью 1898 г. В мае—июне геологические исследования здесь провела экспедиция под руководством выдающегося геолога К.И. Богдановича, обнаружившая на полуострове россыпи золота⁸⁷, затем были разведаны залежи каменного угля, железа, меди, свинца.

⁸¹ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1511, л. 73 об.

⁸² РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 19 об.

⁸³ Памятная книжка Квантунской области за 1902–1903 гг. Ч. 1. С. 172.

⁸⁴ Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Русская Маньчжурия... С. 107.

⁸⁵ Дацышен В.Г. Андреевский флаг над Порт-Артуром. С. 67, 68.

⁸⁶ *Quested R.K.I.* «Matey» Imperialists?.. P. 156.

⁸⁷ См.: Богданович К. Геологическое описание южной окрестности Ляо-дунского полуострова в пределах Квантунской области и её месторождения золота // Материалы для геологии России. Т. XX. СПб., 1900; Заварицкий А.Н., Миронов С.И., Обручев В.А., Яковлев Н.Н. О научно-организационной деятельности Карла Ивановича Богдановича // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 5. М., 1956. С. 188–195.

В августе–сентябре капитан Генерального штаба Самойлов подробно описал топографию, флору и фауну Квантуна, состояние экономики и путей сообщения полуострова. В 1899 г. по приказу Суботича квантунскую «глубинку» обследовала ещё одна группа офицеров (поручики Илинский, Россов и др.). По результатам произведённых изысканий на полуострове были развёрнуты масштабные дорожные и лесопосадочные работы. Попечением русской администрации крестьяне стали бесплатно получать племенной скот и сортовые семена; выписанный из Крыма специалист познакомил квантунских солеваров с усовершенствованной технологией соледобычи. Разработка недр полуострова по разным причинам не состоялась — на золотодобычу, например, было выдано частным лицам лишь несколько десятков лицензий.

Русская администрация стремилась лечить и местные социальные язвы. Со времён Суботича на Квантуне были закрыты игорные притоны и опиумокурильни, контрабандные партии наркотика уничтожались⁸⁸, запрещён ввоз и торговля дешёвым, но низкокачественным спиртом китайского, японского и русского производства⁸⁹, установлен медицинский контроль над неизбежной для портовых городов туземной проституцией. Главное же, что десятки тысяч китайцев находили в «русских» городах Квантуна заработок⁹⁰. Всё это также не могло не способствовать росту авторитета колониальной власти в глазах коренного населения.

«Чрезвычайно важное политическое значение» адмирал Алексеев придавал «внушению населению сознания о твёрдом водворении в крае русской власти и гражданского строя»⁹¹. Незыблемость русского присутствия был призван подкрепить сам облик вновь возводимых городов, планировкой и проектированием построек которых занимались инженеры и архитекторы В.В. Сахаров, А.И. фон Гоген, К.Э. Сколимовский.

В первые годы XX в. в Порт-Артуре построили резиденции главного начальника края и начальника порта, здания морского штаба и гарнизонного офицерского собрания, казармы флотского экипажа и пять гарнизонных церквей. Каменные дома высшего командования украшали колонны, интерьеры «великолепных», по отзыву флотского офицера⁹², трёхэтажных морских казарм были отделаны мрамором. Планировалось и ещё более обширное строительство: сохранились эскизы и чертежи порт-артурского Адмиралтейства, дворца наместника (архитектор фон Гоген), домов адмиралов, портовых сооружений и др.⁹³. Все эти здания, включая общежитие для китайских рабочих, тоже были спроектированы в камне, на века. Бело мраморный собор свт. Николая на две тысячи прихожан по проекту того же фон Гогена заложили на возвышенной части нового города летом 1903 г., но до Русско-японской войны его возвести не успели.

Накануне войны столица Квантунской области с 43 тыс. жителей по российским меркам представляла собой средний уездный город, но со значительно более развитой инфраструктурой. Как и замышляли «отцы города», Порт-Артур

⁸⁸ *Хвостов А.* Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы. 1902. № 10. С. 665.

⁸⁹ *Позднеев Д.М.* Торговля города Порт-Артура. СПб., 1902. С. 13.

⁹⁰ Комментарий Р. Квестед по этому поводу: «Китайцы терпели их [русских] не только потому, что те были лучше вооружены, но и потому, что они были полезны в экономическом отношении» (*Quested R.K.I.* «Matey» Imperialists?.. P. 155).

⁹¹ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 18 об.

⁹² *Лобач-Жученко Б.М.* Порт-Артур. С. 12. Здание сохранилось в незначительно перестроенном виде, ныне его занимает военно-морской госпиталь.

⁹³ РГА ВМФ, ф. 907, оп. 2, д. 1, 13, 26, 41, 46, 61, 81.

был поделён на старую (китайскую) и новую (русскую) части, соединённые дамбой. Остатки жилой части старого города предназначались под снос, новый обустроивался по-европейски, улицы получили русские названия — Морская, Пушкинская, Солдатская, Бульварная, Сапёрная⁹⁴. Помимо казённых учреждений и особняков начальствующих лиц здесь находились отделения Русско-Китайского и Ярославско-Костромского поземельного банков, железнодорожный вокзал, несколько лечебниц⁹⁵, сеть учебных заведений (реальное училище, женская гимназия, военная школа, Пушкинское городское училище с китайским отделением), читальни и библиотеки, гостиницы, кафе и рестораны, сотни магазинов и представительств российских и зарубежных торговых фирм⁹⁶: немецких — «Кунст и Альберс», «Сиэтакс, Блок и К^о»; американских — «Торговой компании», «Кларксон и К^о»; российских — «А.М. Кондаков», «Чурин и К^о», «М. Гинсбург и К^о», «И.Т. Пташников»; китайских — «Бисмарк и К^о», «Тифонгай» и др.

В Порт-Артуре разбили бульвар, названный Николаевским, и городской сад с крытыми питомником и оранжереями; тысячным тиражом издавалась областная газета «Новый край». В русский театр, который первоначально на манер цирка «пробавлялся» фокусниками, борцами, чревовещателями и лишь изредка — одноактными водевилями, со временем из России стали наезжать профессиональные труппы с пьесами Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского.

В городе работала телефонная сеть, действовало несколько обществ (благотворительное с детским приютом, хорового пения, спасения на водах, любителей древонасаждения, велосипедистов-туристов, теннис-клуб, артистический кружок⁹⁷); на Суворовском плацу Квантунское общество скакового спорта дважды в год устраивало скачки. Горожан обслуживали 160 извозчиков и рикш⁹⁸. Городская промышленность была представлена типографией, пекарнями, скотобойней, табачной фабрикой, двумя заводами по спиртоочистке.

В старой части Порт-Артура находились судоремонтные мастерские с китайско-русским персоналом, верфь, два сухих дока, коммерческая гавань, портовое управление, почта и телеграф⁹⁹. Так, за считанные годы невзрачный, разорённый японцами Люйшунь превратился в «европеизированный город с застройкой

---

⁹⁴ Поначалу в Петербурге хотели переименовать и сам Порт-Артур. 16(28) июня 1898 г. за завтраком в Петергофе министр Муравьёв представил императору перечень его возможных новых названий, от «Свято-Никольска» до «Николаямирска». Н.А. Самойлов усматривает за этим началом амбиции самого Николая II (*Самойлов Н.А. От баланса к колониализму... С. 60*). Однако это больше походило на инициативу придворных лизоблюдов, к чести царя, так и не реализованную. Не сработали и усилия МИД в связи с квантунской арендой отвлечь Николая II от авантур в Корею — как известно, царь поддержал действия «безобразовцев» на севере этой страны.

⁹⁵ Это были военные госпитали и Мариинская городская больница Красного Креста на 40 мест. В припортовой части старого города находилась 60-местная женская больница — стационар для лечения проституток, китайок и японок (РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 27—27 об.). Борьба с венерическими заболеваниями являлась одной из главных забот областной медицины — в 1901 г. из 3,5 тыс. пациентов квантунских лечебниц 1,5 тыс. составляли венерические больные (Там же, л. 51 об.—52).

⁹⁶ По сведениям агента Министерства финансов, на 1902 г. в Порт-Артуре насчитывалось 677 торгово-промышленных заведений с совокупным годовым оборотом в 35 млн руб. (*Позднеев Д.М. Указ. соч. С. 19*).

⁹⁷ Памятная книжка Квантунской области за 1902—1903 г. Ч. 2. С. 93—105.

⁹⁸ *Тиреер. Указ. соч. С. 196.*

⁹⁹ Телеграф Порт-Артура был напрямую соединён с российским в 1902 г. До этого телеграммы отправлялись либо через Владивосток, куда доставлялись на пароходе в течение недели, либо за большие деньги (1 руб. 20 коп. за слово) по линии монополиста — Датской телеграфной компании. С вводом в действие собственного телеграфа тарифы стали составлять: 15 коп. за слово в Центральную Россию, 10 коп. — в Сибирь и 5 коп. — по Квантунской области.

и благоустройством высокого качества»¹⁰⁰, выгодно отличаясь от русского уездного захолустья. Вместе с тем Порт-Артур ещё не имел ни каменных мостовых, ни электрического освещения (за исключением порта; на улицах было 120 керосиновых фонарей¹⁰¹), городские канализация и водопровод требовали усовершенствований.

Если город-крепость приходилось застраивать с учётом его исторически сложившейся компоновки, то, возводя в чистом поле Дальний, по примеру портовых городов Европейской России получивший статус особого подведомственного министру финансов градоначальства, архитекторы и инженеры были свободны в выборе планировочных решений. Архитектор Сколимовский сознательно отказался от модной в те годы «американской» городской планировки в виде прямоугольной сетки («системы квадратов»), предпочтя центрально-радиальную, близкую старомосковской или более поздней западноевропейской (по типу парижской Площади Звезды постройки начала XIX в.)¹⁰². Ядром планировочной композиции Дальнего стала обширная, в 100 саженей (213 м) в диаметре, круглая Николаевская площадь с радиально отходящими от неё десятью лучами – проспектами, которые связывали центр города с его важнейшими пунктами¹⁰³. Доминантой центральной площади предполагалось сделать круглое здание биржи с аукционным залом, перекрытым куполом с мощным электрическим фонарём на вершине. Рядом с площадью должен был возвышаться и быть виден с моря православный собор во имя мученицы Александры. Планировалась и постройка церквей инославных исповеданий, в первую очередь англиканских.

Стремясь, с одной стороны, придать городу «комфорт и благоустройство, к которым европейцы с давних пор привыкли во всех своих селтльментах на Дальнем Востоке», а с другой – не стеснять «коренные обычаи» китайского населения, архитектор Дальнего пошёл по пути создания трёх городов в одном: административного и двух торговых – европейского и китайского, каждый из которых, в свою очередь, был также задуман трёхчастным. Европейский «город» включал ближайшую к гавани коммерческую (по типу лондонского Сити) и гражданскую части, а также жилой «сад-город», застроенный коттеджами и особняками¹⁰⁴. Дома в ближайшей к нему китайской части города следовало строить только по европейскому образцу.

Предложение товарища председателя Общества КВЖД С.И. Кербедза устроить в Дальнем обычный для открытых портов Китая иностранный селтльмент с правами экстерриториальности для его жителей было расценено как «добровольное низведение себя на ступень нецивилизованного народа» и отвергнуто¹⁰⁵. Таким образом отпала нужда как в возведении традиционной для селтльментов стены между европейской и китайской частями города (Сколимовский обозначил их границу городским парком и садом при китайской кумирне), так и в запретах азиатам приобретать недвижимость в европейских кварталах.

---

¹⁰⁰ Крадин Н.П. Русская архитектура Дальнего Востока XVII – начала XX вв. Дис. ... д-ра архитектуры. М., 2003 (URL: <http://technosfera.com>).

¹⁰¹ Это немало, если учесть, что полуторамиллионный Петербург тогда освещало около 15 тыс. фонарей, в большинстве газовых.

¹⁰² В этой связи соотечественники порой корили его за «чужанье русской самобытности и ревнивое заимствование приёмов у иностранцев» (*Тиреер*. Указ. соч. С. 195).

¹⁰³ Крадин Н.П. Дальний (Далянь)... С. 166–167.

¹⁰⁴ Там же. С. 163; АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1544, л. 38–44.

¹⁰⁵ РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 3601, л. 12–15.

Ограничения в этом отношении коснулись одних японцев — «по принципу взаимности» (в Японии русские подданные имели право лишь арендовать недвижимость)¹⁰⁶. Характерно, что признавая русский язык официальным, власти Дальнего брали на себя обязательство переводить на китайский и английский языки свои постановления, объявления и предписания, равно как и принимать на этих языках прошения, заявления и жалобы горожан.

Коммерческий порт в бухте Виктория проектировал чиновник Министерства финансов инженер путей сообщения В.В. Сахаров, только что отстроивший торговую гавань Владивостока. Он задумал порт в Дальнем так, чтобы тот был способен круглогодично принимать океанские пароходы, для чего планировалось возвести несколько циклопических, шириной до 100 м, рейдовых молов и обустроить многокилометровую грузовую набережную. Кроме того, в спроектированный Сахаровым порт входили большой сухой док, система маяков, угольный мол, керосиновая и рыбная пристани, карантинная гавань. По завершении строительства годовой грузооборот дальнинского порта должен был достичь 190 млн пудов (свыше 3 млн т) — намного больше любого из действовавших в самой России (грузооборот самого крупного из них, петербург-кронштадтского, составлял тогда 164 млн пудов в год). Соединить порт с линией ЮМЖД планировалось 15-вёрстной железнодорожной веткой. Финансировать все эти масштабные проекты предполагалось из средств облигационных займов Общества КВЖД с компенсацией произведённых им трат за счёт портовых сборов, а также продажи городских участков частным лицам или их сдачи в аренду. Эти расчёты были небеспочвенны — доходы Дальнего только от налогов и пошлин выросли со 101 тыс. руб. в 1899 г. до 291 тыс. руб. в 1903 г.¹⁰⁷ (без малого втрое).

Генпланы города и порта были утверждены весной 1899 г. (т.е. до официального основания Дальнего) и стали деятельно воплощаться в жизнь. Ещё в 1898 г. провели предварительные исследования почв, топографическую съёмку и планирование местности, в 1899—1900 гг. — трассировку будущих улиц, разбивку площадей, парков и скверов, а также подготовительные работы в будущем порту: промерили прибрежные глубины, построили жилые дома, конторы, склады, мастерские, подъездные пути, временные пристани и причалы, закупили и завезли механизмы и оборудование. Застройка города и порта началась в 1901 г. Писатель Д.Г. Янчевецкий, который в 1899 г. обнаружил в Талиенване лишь несколько домиков, «гаолян на полях и устриц на берегу»¹⁰⁸, спустя два года увидел рядом с ним быстро растущий европейский город с широкими, мощёными, освещёнными электричеством улицами и площадями, застроенными каменными

---

¹⁰⁶ О дискриминации японцев по национальному признаку речь при этом не шла — ограничения вводились как временные, да и сам срок земельной аренды для них был установлен в 99 лет. С.Ю. Витте считал, что «стеснение японцев, самой деятельной коммерческой нации Дальнего Востока, нанесло бы ущерб развитию торговой жизни в названном городе» (АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 3229, л. 12 об.). В августе 1903 г. в пользу снятия с японцев ограничений в правах на покупку земли в Дальнем высказался и наместник Алексеев, однако вскоре (в сентябре) передумал, посчитав это несвоевременным «ввиду недружелюбного образа действий японцев в Маньчжурии и Корее» (Там же, л. 33). Как бы там ни было, в начале XX в. на Квантуне проживали свыше 1 тыс. японцев обоего пола: 769 — в Порт-Артуре, 312 — в Дальнем и Талиенване (РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 9 об.).

¹⁰⁷ См.: РГА ВМФ, ф. 467, оп. 1, д. 557.

¹⁰⁸ Янчевецкий Д.Г. В Дальнем. Впечатления корреспондента // Новый край. 1901. 11 марта. № 30. С. 4.

зданиями в два-три этажа и носившими русские названия: Петербургская набережная, Московское шоссе, Красная площадь, Владимирский проспект, Музейная улица, Самсониевский бульвар и т.д.

В 1902 г. Витте застал административную часть Дальнего «совершенно уже отстроенной». Здесь возвели здания главных мастерских ЮМЖД, Русско-Китайского банка, управления по сооружению порта и города, городского и полицейского управлений, Морского собрания, пароходства КВЖД и дом-дворец главного инженера дороги, пожарной части, гостиницы «Дальний», яхт-клуба. В городе появились музей и театр. Министр мечтал «водворить в Дальнем серьёзную русскую газету, а если окажется возможным, то и китайскую»¹⁰⁹. Также были возведены первая в Маньчжурии электростанция, временные канализация и водопровод, городская телефонная сеть; к 1903 г. — портовые сооружения «первой очереди» стоимостью 10,8 млн руб., благодаря которым по грузообороту порт Дальнего сразу вышел на второе место в Китае после шанхайского.

На окраине города для нужд порта возводились чугунолитейный и кирпичный заводы. По наиболее оживлённым улицам Дальнего планировалось пустить электрический трамвай (введён в строй уже японцами в 1909 г.), были разбиты скверы, бульвары и городской парк. На морском побережье спроектировали общественный пляж, в ближнем пригороде — дачный посёлок и ипподром, в дальнем — военный санаторий. На застройку города и порта и их обустройство в 1901—1903 гг. в общей сложности было потрачено свыше 30 млн золотых¹¹⁰ (более 60 млрд современных) руб.

Сам город и муниципальная инфраструктура создавались из расчёта на 100 тыс. жителей, Витте прогнозировал население в 400 тыс. На практике к концу 1901 г. в Дальнем проживали порядка 45 тыс. человек, из них 2 тыс. русских и примерно столько же — западноевропейцев и японцев. Таким образом, за первые два с половиной года русской аренды китайское население Даляньванской бухты увеличилось в 27 раз — с 1,5 тыс. до 40—41 тыс. человек.

В начале Русско-японской войны (зима 1904 г.) и особенно после высадки японцев на Ляодуне (весна того же года) строительные работы гражданского назначения на арендованной территории полностью прекратились, китайцы стали массово покидать «русские» города. Немногие, добровольно оставшиеся, участия в боевых действиях не принимали. Недовольства русским присутствием на Квантуне китайское население по-прежнему не проявляло, поддержки японцам не оказывало¹¹¹. Мало того, по мере сил китайцы поставляли в осаждённый Порт-Артур продовольствие¹¹². Слабо защищённый Дальний был захвачен японцами в мае 1904 г., укреплённый Порт-Артур — в декабре. После падения Дальнего инженер Сахаров, его градоначальник, добровольцем защищал Порт-Артур, где и умер от тифа в октябре 1904 г. в возрасте 45 лет.

На снабжение Порт-Артура в период блокады крайне рискованной и потому сверхдорогой морской контрабандой из Чифу, Тяньцзиня и Шанхая, а после сдачи крепости на эвакуацию её защитников русские власти потратили ещё

¹⁰⁹ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 179, л. 1—81; РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 1278, л. 47 об.

¹¹⁰ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 17. СПб., б. г. Стб. 536—537.

¹¹¹ Р. Квестед так комментирует такую труднообъяснимую для неё ситуацию: китайцы «ненавидели русских не до такой степени, чтобы стремиться к их замене другим врагом» (*Quested R.K.I. «Matey» Imperialists?..* P. 155).

¹¹² См.: *Лысев А.В.* К вопросу о продовольственном снабжении Порт-Артура в 1904 г. Рыночный фактор. Б.м., 1997.

порядка 25 млн руб.¹¹³ Таким образом, вся Квантунская эпопея 1898–1905 гг. обошлась российской казне не менее чем в 110 млн руб. (около 4 млрд современных долларов США), что составляло порядка 6,4% среднегодового расхода России на рубеже XIX–XX вв. (1,7 млрд руб.).

По итогам проигранной Русско-японской войны Россия лишилась своей китайской аренды. Таким образом, вопреки ожиданиям, русское присутствие на Квантуне формально продолжалось лишь семь с половиной лет, а фактически – и того меньше. Согласно ст. V и VI Портсмутского мирного договора от 23 августа (5 сентября) 1905 г. Россия «с согласия китайского правительства» безвозмездно уступила Японии «аренду Порт-Артура, Талиена и прилегающих территорий и территориальных вод», равно как и все «общественные сооружения и имущества» на территории этой аренды, включая железную дорогу от Куанчэнцзы до Дальнего и Порт-Артура. Срок аренды оставался прежним, 25-летним (до 1923 г.). Российским подданным, жителям уступленных Японии территорий, предоставлялась возможность либо продать свою недвижимость и вернуться на родину, либо остаться, но при условии подчинения японским законам и юрисдикции; в противном случае Япония оставляла за собой право на их принудительное выселение (ст. X)¹¹⁴. Впрочем, 20 тыс. русских, в 1898–1903 гг. заселивших арендованные китайские земли, почти поголовно покинули их ещё в 1904 – начале 1905 г., вынужденно бросив, по словам порт-артурских коммерсантов, «на произвол судьбы все свои товары и другое движимое и недвижимое имущество»¹¹⁵. Ответственность же за его сохранность японские военные власти на себя не взяли. Другими словами, вновь обустроенные земли и многочисленные постройки, возведённые Россией на Квантуне в предвоенные годы, движимое и недвижимое имущество её здешних подданных по итогам войны безвозмездно перешли в японские руки. Империя микадо, презрев договорные сроки аренды, владела Квантуном вплоть до своего поражения во Второй мировой войне. Дальний был возвращён Китаю уже советским правительством в 1950 г., Порт-Артур – в 1955 г.

Прошедшее столетие показало, что в Петербурге не ошиблись с оценкой стратегического значения и потенциальных возможностей территории, арендованной в 1898 г. Люйшунь (Порт-Артур) всё это время был и остаётся важным пунктом военно-морского базирования. Основанный русскими колонизаторами и сегодня уже почти семимиллионный Далянь входит в пятёрку крупнейших коммерческих портов Китая с годовым грузооборотом в 40 млн т. Одновременно это центр туризма и всекитайский курорт. На протяжении 40-летнего японского господства город продолжал развиваться по русским архитектурно-планировочным лекалам; по сей день ул. Русская является одной из его главных достопримечательностей. Следы русского присутствия вековой давности сохранились даже в Порт-Артуре, превращённом в руины в ходе семимесячной японской осады 1904 г. И наоборот – интерес к квантунской тематике в императорской России отражён в исторических названиях районов Омска и финского города Турку – «Порт-Артур».

¹¹³ Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2016. С. 346–350, 360–363.

¹¹⁴ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2870, л. 19–20 об.

¹¹⁵ Там же, ф. 150, оп. 493, д. 869, л. 1.

Аренда Квантуна Российской империей явилась плодом её дальневосточной экспансии и предполагала включить его со временем в свой состав. В Петербурге такое намерение в «своём» кругу не очень-то и скрывали. Обсуждая в мае 1898 г. издержки на охрану арендованной у Китая территории, министры-участники особого на этот предмет совещания высказывали уверенность, что «эта местность останется в наших руках и по истечении арендного срока с изменением при том формы и оснований владения»¹¹⁶. При этом аренда Россией Квантуна не сопровождалась такими типичными для «классического» колониализма явлениями, как военный захват колонизируемой территории, противопоставление пришлого населения коренному, его закабаление и порабощение, апартеид, насильственное внедрение языка, религии и культурных стандартов метрополии, выкачивание из подвластной территории её финансовых ресурсов и природных богатств. Осенью 1899 г., напутствуя начальника Квантуна перед его отъездом на Дальний Восток, Николай II предписывал ему «приучать» туземное население края «к новым формам управления», но делать это «исподволь, без ломки и насилия»¹¹⁷. Устами порт-артурского штабного офицера русская умеренно-либеральная печать ставила на передний план необходимость поднять благосостояние китайской колонии и лишь затем «разумно» её эксплуатировать¹¹⁸.

Россия мирно завладела Квантуном и стремилась цивилизованно (по тогдашним представлениям) им управлять с опорой не столько на военные и вообще силовые методы, сколько на экономические и административные и с учётом западноевропейского опыта других великих держав. Полуостров стал полем успешного управленческого эксперимента и объектом крупных финансовых вложений метрополии. Одним из важных признаков эффективности русской колониальной администрации явилось отсутствие конфликтов пришлого населения с коренным и быстрый рост последнего за счёт внутрикитайской миграции. Установлению «приятельных» отношений с китайцами была подчинена и политика в сфере образования и культуры, нацеленная на продолжительную органичную русификацию коренного населения на почве российско-китайского межкультурного общения. Крупные, преимущественно казённые, инвестиции способствовали существенному увеличению оборонного потенциала арендованной территории, скачку в развитии её экономики, городской и транспортной инфраструктур, значительному приросту населения, повышению качества жизни и улучшению среды обитания жителей.

Р. Квестед, размышляя о том, к какому из предложенных Ф. Мэйсоном типу колониализма — «подавляющего», «патерналистского» или «конкурентного» — был ближе русский маньчжурский, находит в нём элементы всех трёх¹¹⁹. Поскольку доминантой российской колониальной практики на Квантуне явилась её созидательная, цивилизационная роль в области материального производства, а также в сферах государственного управления, образования и культуры, полагаю, что сложившийся здесь тип колониального управления правильнее именовать патерналистско-модернизационным.

¹¹⁶ Там же, ф. 143, оп. 491, д. 1548, л. 54.

¹¹⁷ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 828, л. 3.

¹¹⁸ *Хвостов А.* Указ. соч. С. 654.

¹¹⁹ *Qvested R.K.I.* «Matey» Imperialists?.. P. 157.